

СОБЫТИЕ ДЕТСКОГО ВООБРАЖЕНИЯ

В статье анализируются основания детского воображения в контексте событийной онтологии. Первичность способности воображения в развитии ребенка обосновывается с точки зрения авторской концепции импульсивно-конвертативной природы воображения. Рассмотрены проблемы соотношения образа и слова, значимость света в бытии образа. Обозначены основания интерпретации сказочных сюжетов, используемых для пробуждения способности воображения ребенка в процессе воспитания.

Ключевые слова: онтология, событие, ребенок, воображение, игра, слово, сказка, природа, культура, воспитание.

Y. M. Romanenko

The Event of a Child's Imagination

The article analyzes the foundation of child's imagination in the context of the event-ontology. The primacy of the ability of imagination in the development of the child is justified in terms of the author's conception of the impulsive-converting nature of the imagination. Problems of the relation between image and word, and the importance of light in the image Being. The article shows the interpretation base of the fairy tale used to increase the abilities of a child's imagination in the process of education.

Keywords: ontology, event, child, imagination, game, word, fairy tale, nature, culture, education.

Теме детского воображения посвящено большое количество специальной психологической и педагогической литературы, в которой отмечается существенная важность этой способности в развитии ребенка. Специалисты ведут дискуссии о роли, месте и границах воображения в детской психике и сознании, при этом разные специалисты акцентируют внимание на частных его аспектах. Возможность целостного взгляда на детское воображение могла бы быть реализована при наличии целостной же философской концепции

* Юрий Михайлович Романенко — доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, yr_romanenko@rambler.ru.

человеческого воображения как такового, общезначимой и общеприемлемой, но такой концепции еще не создано, несмотря на долгую историю исследований и достаточное количество интересных находок и принципиальных трактовок в этой области. Как утверждал И. Кант, воображение является самой темной способностью человека, которую он сам, вероятно, никогда не сможет объяснить [6, с. 125]. Хотя, продолжая эту мысль И. Канта, можно предположить, что затемнение при рефлексивном взгляде на воображение связано с чрезмерным его блеском, находящимся за порогом человеческого зрения, т. е. воображение, возможно, является самой яркой способностью человека.

Проблема воображения в философии и науке продолжает оставаться актуальной, а проблема детского воображения — вдвойне загадочной, поскольку именно в раннем возрасте эта способность странным, спонтанным и необъяснимым образом вспыхивает, выводя ребенка в просвет общечеловеческой культуры. Редуцировать проблему воображения только к культурологическому или социально-антропологическому контекстам некорректно. Воображение является способом ориентировки не только в мире культурных артефактов и человеческой коммуникации, но и особым отношением к миру природы, что усложняет его рациональное истолкование.

Попытаемся поставить задачу рассмотреть данную проблему в рамках событийной онтологии, в которой событие понимается как двуединство мышления-бытия. Если так называемая онтология присутствия имеет своей интенцией бытие как таковое («сущее как сущее», по выражению Аристотеля) — единое само по себе; то событийная онтология направлена на то же самое единое бытие, но как результат процесса разделения исходного единства на множество и возвращения элементов этого множества к обновленному единству («смычка сущего с сущим», по выражению Парменида). Учитывая хайдеггеровское понятие «онтологической разницы» между бытием и сущим, событие — это то же самое единое бытие, но только являющее себя как отношение многих (как минимум двух) сущих. Именно это подразумевается в семантике префикса «со-», приставляемого к слову «бытие». Понятие «событие» не говорит о некоем со-существовании двух бытий. Нет двух и более бытий просто по определению самого бытия, но возможно множество сущего, и вся суть онтологической проблематики заключается в их отношении — различия и тождества. Можно предложить такое определение: событие есть единое множество отождествлений различного сущего.

Хайдеггеровская «онтологическая разница» говорит не только о том, что бытие отлично от сущего, и даже что бытие есть ничто из сущего. Это одна сторона дела, и если свести все только к этому, то получается тривиальность. Онтологическая разница имплицирована онтологией того же самого. Событие интересно (*inter-esse*), так как оно находится «между» бытием и сущим. Каждый акт сравнения бытия и сущего, тождественны они или различны, событиями. Сущее может проявить свое отличие или тождественность с бытием в бытии с ним. А бытие может быть ничем из сущего, если оно (бытие) сумело отождествляясь со всяким сущим отличиться от всего сущего.

Поясняя интерес к проблеме воображения в онтологическом контексте, можно сказать, что если единое бытие в соответствии с традицией соотносится

с чистым (без-образным) мышлением, то двуединое событие познается принципиально иначе, и способом такого познания, как оговаривается в той же традиции, выступает, судя по всему, именно воображение. Воображение отличают от самотождественного мышления, так как именно воображение осуществляет функцию различения, но вместе с тем оно же реализует и функцию тождества, в силу чего, как ни парадоксально, воображение одновременно отождествляется с мышлением. В мышлении, возможно, нет образа бытия, но, во всяком случае, имеется образ отношения к без-образному бытию.

Согласно древнему онтологическому принципу *unum et bonum convertuntur* — единое и бытие обратимы, т. е. бытие неподвижно «вращается» в покое своего единства, и в этом заключается его смысл и одновременно потенция образа. Воображение же события есть «воз-вращение» множества сущих к единому бытию, если они ранее каким-то образом выпали из него в «из-вращении». Бытие есть единая универсально «конвертируемая валюта» в тотальном обмене сущего. Если в бытии образ потенцируется, то событие является его актуализацией. Если чистая мысль тождественна покоящемуся бытию, то воображение принципиально динамично, воображаемые сущности изменяются в особом режиме движения, а именно вращательного. Согласно нашему подходу природа воображения с онтологической точки зрения — вращательна (конвертативна). Именно с его помощью, как утверждал еще Кант, осуществляется перевод и трансформация чувственных данных в категории мысли и наоборот. Именно этот обратимый перевод чувства в мысль, сущего в бытие, *vice versa*, и можно определить как событие воображения.

В психологической литературе существует устойчивое мнение, согласно которому воображение является первичной основной способностью ребенка (З. Фрейд, Ж. Пиаже и др.), хотя оно периодически подвергается критике и уточнениям. Аналогично этому взгляду историки допускают, что первичной формой мышления первобытных людей были мифы. М. Хайдеггер в своем толковании учения И. Канта полагал, что воображение является корневой способностью человека, из которой вырастают и разветвляются способности чувственности и мышления [см. 9]. Следуя за интерпретацией М. Хайдеггера, Ю. М. Бородай обосновывал ведущую роль воображения в антропосоциогенезе [см. 4]. Воображение в целом, как и его конкретная реализация в мифах или сказках, заключается в связных отношениях образов друг с другом. Мифопоэтическое воображение первично, поскольку в нем как бы априори задан синкретический образ целого. Все начинается и происходит из единого целого в результате его вольного или невольного деления на части. Но и завершается все в целом, в результате собирания распавшихся частей.

Функция воображения формируется у ребенка приблизительно к полутора-двум годам и поначалу является доминирующей. Характерной чертой автономного воображения считают отрешенность от действительности. Затем, по мнению специалистов, происходит переход к так называемому реалистическому мышлению, ориентированному на объективно существующие вещи [см. 8]. Происходит ограничение, трансформация или даже слом воображения (в виде фрустрации мечтаний, грез, абстрактных фантазий) в пользу утилитарной привязки мышления к конкретным реальным объектам. Этот крити-

ческий переход наступает где-то к пяти годам, когда ребенок выходит из своей младенческой безмятежности и автаркичности и вынужден интегрироваться в рациональный и культурный мир взрослых, со всеми его обязательствами, запретами и стимулами.

Подобная оценка в общем виде верна, но она нуждается в дополнительном уточнении ее онтологических предпосылок, представленных в виде диалектических оппозиций «воображаемое — реальное», «бессознательное — сознательное», «бесконтрольное — управляемое», «возможное — действительное», «пассивное — деятельное» и пр. Как правило, объяснительная схема перехода от первичного нерелексированного воображения к «реалистическому» мышлению (т. е. взрослому, научному, логически обоснованному и эмпирически подтвержденному) основывается на гносеологическом дуализме субъект-объектной разделенности. Однако, возможен иной философский взгляд на проблемы возникновения, развития и деятельности воображения.

С точки зрения событийной онтологии нет смысла говорить о противоположности воображаемого и реального: в событии они суть одно, хотя сами по себе они разные. Говорят, что в акте воображения оперируют образами как «нереальными» вещами, некими бесплотными сущностями, уточняя, что под реальностью имеются в виду так называемые объективные вещи. Хотя вслед за этим признают, что воображаемое для самого субъекта иногда бывает реальнее самих объектов. Причем это касается не только воображения ребенка, но и вышколенного, рационального взрослого. Онтологический подход снимает такой дуализм субъект-объектной матрицы в понятии события. В этом контексте неуместны вопросы о первичности или вторичности, тождественности или различности субъекта и объекта: в их со-бытии они просто есть так, как они есть, и никак иначе. С онтологической точки зрения образ как таковой и есть событие само по себе (возможен семантический перевод корней и морфем слова «об-раз» и слова «со-бытие» друг в друга, о чем будет сказано ниже).

Другой стороной проблемы является отношение речи и воображения, слова и образа. Формирование лингвистической и имажинативной способностей осуществляется в их взаимодействии. В психологической литературе подчеркивается существенная роль языка в запуске воображения. Так, в учении Л. С. Выготского и представителей его школы отмечается, что задержка развития речи приводит к отсталости воображения. Вплоть до того, что афазия может вызвать и остановку имажинации, чреватую тяжелыми последствиями: невхождением ребенка в человеческий социум. Дети-маугли, росшие с животными до пяти лет (а именно к этому возрасту как раз и складывается способность воображения), оказываются неспособными реинтегрироваться в человеческое общество. Звери ни генетически, ни воспитательно не передают своим детенышам умение воображать (хотя последний тезис оставим под знаком вопроса).

Слово и образ, относясь к разным перцептивным способностям человека (слышимое и видимое), отличны и, возможно, даже инородны друг другу. Но нельзя также оспорить тот факт, что их собственное развитие и обогащение осуществляется в их взаимном влиянии, вплоть до определенного синэстетического эффекта. Г. Башляр в своей концепции материального динамического воображения особенно акцентировал взаимопроникающую диалектическую

связь слова и образа [см. 1]. До какой степени может дорасти их взаимовлияние и «прораствание» (неизбежная метафора) друг в друга? Если возможна трансформация слова в образ (а она не просто возможна, а действительна хотя бы в элементарном акте чтения художественной литературы), то это означает, что в их переходе друг в друга случается событие воображения. Слушание сказания или чтение книги вызывает картинные зримые образы. Именно это и можно назвать событием воображения. В воспитании и обучении детей этой способности сначала необходимо обращать внимание на событийную связь слова и образа в процессе именованя-показа вещей и чтения иллюстрированных сказок.

Разумеется, с эмпирической объективистской точки зрения, первично и естественно непосредственное видение воочию определенного сущего (например животного), затем следует опознание этого сущего в наблюдении искусственной нарисованной картинки, а далее происходит переход в некое скрытое внутреннее созерцание того же самого, без его реального (в объективном виде или замещенном искусственным подобии) присутствия. Одновременно с этим, по всей видимости, осуществляется и переход к внутренней речи. Обычно данный линейный переход реального в виртуальное и называют процессом воображения. Регулятором и модератором этого перехода выступает слово. Однако редко обращают внимание на то, что данная линия не просто уходит в бесконечную неопределенность — ей свойственна странная способность сворачиваться в замкнутую фигуру. Если время существования реальной вещи имеет характер необратимости в силу физических и биологических законов, то темпоральность воображения есть обратимость как таковая. Возникает циклическая структура трансформаций реального и воображаемого, что свидетельствует о вращательной природе самого воображения, о чем было сказано выше. Как отмечают исследователи мифа, ему присуща циклическая модель времени. Когда эта циклически действующая структура складывается в процессе воспитания и обучения ребенка, можно говорить, что с ним случилось событие воображения, он стал воображающим существом, со всеми присущими ему преимуществами и опасностями.

Событие не просто есть, оно происходит: из чувственного восприятия вещи — в слово, из слова — в образ и наоборот, снова и снова. Если уж оно случилось, и нет этому внешних препятствий, то этот процесс становится автоматическим и самоорганизующимся, длясь сколь угодно долго. Такова игра, способная развиваться в себе самой и являющаяся местом осуществления воображения. Не об этом ли известное изречение Гераклита: вечность — играющий младенец (52 DK)? Эта игра интересная и захватывающая, но и чрезвычайно опасная. Вернее, опасна не игра, а то, что сама игра и есть отношение к опасности как таковой. Человеческое существование вообще, а ребенка особенно, окружено опасностями. На этот факт возможны различные реакции. Биологический генетически запрограммированный инстинкт самосохранения — один из возможных способов безопасного освоения жизни в природе. И животным этого инстинкта достаточно. А зачем человеку воображение, являющееся, вероятно, заменителем инстинкта самосохранения? В воображении создаются мнимые опасности и в нем же они иллюзорно преодолеваются.

Онтологический смысл опасности в том, что любое сущее уничтожимо, оно может как присутствовать, так и отсутствовать. Ребенок в акте воображения приучается к исчезновению и отсутствию вещей, заполняя пустоту небытия словами-именами и образами. Воображение как бы обыгрывает небытие в пользу бытия или наоборот. Как сказал бы Хайдеггер, животное не знает ни бытия, ни небытия, только человек оказался таким сущим, которому выпало испытание их различать и проблематизировать. Возможно, способом этого отношения и является воображение. Игра воображения обучает и упражняет человека не быть и при этом парадоксальным образом оставляет его в бытии.

Кант в свое время определил воображение как особую способность представлять предмет в его отсутствие [6, с. 110]. Значит ли это, что человек может и себя представить, когда он сам отсутствует? Абсурдный, казалось бы, вопрос. Раз человек отсутствует, то невозможно и его самопредставление. Но не все так просто. Гераклит печально констатировал, что люди присутствуя отсутствуют (34 DK). Запуск детского воображения связан с обретением этого онтологического парадокса отсутствующего присутствия или присутствующего отсутствия.

Кто и как запускает этот процесс? Случается это у ребенка самопроизвольно или необходим толчок извне с чьей-то помощью? Ответ, кажется, очевиден: необходимо и то, и другое. Событие детского воображения начинается и происходит как со-бытие ребенка-взрослого, в круговороте присутствий и отсутствий. Всякая игра в своей глубине включает в себя игру в прятки. Для того чтобы ребенок вошел в стихию воображения, помогающий ему в этом взрослый должен исполнить библейский призыв «будьте как дети».

Взрослый имманентен событию детского воображения, только если он сам способен воображать конгениально ребенку. Но для этого ему необходимо забыть о своей взрослости, отпустить себя в риск впадения в детство. Аналитическое и экспериментальное наблюдение детской игры со стороны научного субъекта не со-бытийно воображению ребенка. Исследовательский подход к этому делу, конечно, важен с определенной точки зрения, но все равно он, решая свои организационные задачи, не является самоцелью. Событие нельзя организовать и спроектировать, если оно не зажило свободно собственной жизнью. Отношением в событии ребенка-взрослого может быть только дарение и принятие дара, точнее сказать, обмен дарами. И если дети чувствуют фальшь (а они ее быстро разоблачают), событие завершается, не успев начаться.

Взрослые как биологические родители являются причиной присутствия ребенка в природной жизни. Это называют первым рождением. Но они же могут стать или не стать участниками события второго рождения — рождения в мире культуры, которая есть событие самовозрастающего взаимного обмена дарами. Ребенок и взрослый — равновеликие сотворцы события воображения (в ребенке воображает присутствующий в нем взрослый, и наоборот, во взрослом воображает присущее ему дитя). Связь ребенка и взрослого в игре событийна и она всегда новая, несмотря на то что игра требует неизменного повторения и соблюдения старых правил. Никакими причинами это не детерминировано, за пределами события ничего нет, то есть оно творится из небытия, «по щучьему велению — по моему хотению». Событие детского воображения креативно, в смысле *creatio ex nihilo*, в нем младенец становится

сотворцом сущего из небытия, и именно он, согласно Гераклиту, правит миром и наследует вечность (52 DK).

Вместе с тем сводить вопрос о воображении к области культуры, противопоставляя ее природе, на наш взгляд, не совсем правильно. Обычно понятие культуры определяют через оппозицию природе, оставляя последнюю естественным фоном, над которым надстраивается мир независимых культурных феноменов. Является природа генетической или функциональной причиной культуры — по-прежнему большой вопрос. Между описаниями и объяснениями природы и культуры сохраняется разрыв, между ними не находится посредника и промежуточных звеньев. В этом контексте возникает ключевой вопрос: все-таки воображение — это природная или культурная способность человека? Оно естественно или искусственно? Не оказывается ли воображение неким особым, генетически заложенным самой природой инстинктом, встроенным в качестве исключения в существо человека, возможность чего предполагал Я. Э. Голосовкер? То есть является ли воображение эксклюзивным инстинктом, наряду с другими, присущим человеку и отличающим его от остальных животных, а также предназначенным для обитания в измерении культуры, инобытийной природе? Если это так, то тогда воображение можно понять как естественный механизм приживания такого животного существа, как человек, в иноприродной реальности культуры, которую он сам же и делает естественной и органической.

Деление области знания на науки о природе и науки о духе произошло достаточно давно. Но никак не раньше, чем первые ученые начали воображать. Пока физики и лирики, представители естествознания и гуманитарных наук, не нашли общего предмета и взаимопонимания, и в этом заключается существенная гносеологическая проблема. Воображающий ребенок не ведает об этой проблеме взрослых, забывших о своем внутреннем играющем младенце. Детское воображение — это естественное искусство и искусственное естество, выход из природы в культуру и возвращение обратно, его игра заключается в разрывах природного и культурного и мгновенного заполнения данных разрывов. Воображение движется в границе между природными и культурными вещами, обеспечивая их круговорот. Природа и культура, в конце концов, могут быть абсолютно автономными мирами, не имея между собой никаких детерминаций, и это, скорее всего, так и есть. Но это не может им помешать, а скорее помогает, быть в обоюдном событии. Для ребенка первая встреча с различием между природным и культурным случается в первом же опыте воображения, и здесь же это различие снимается.

У психологов существует дискуссия о том, беднее ли детское воображение, чем воображение взрослого, или наоборот? Высказывается такой элементарный аргумент: воображение ребенка беднее, поскольку его жизненный опыт меньше. С точки зрения эмпирического багажа освоенных конечных вещей этот аргумент, конечно, работает. Однако в свете онтологического понятия события количество сущего не важно, оно может быть даже нулевым (с этого все и начинается). Воображение способно саму бедность, нищету претворить в богатство. Воображение ребенка не беднее и не богаче воображения взрослого, если они совпали в двуедином полноценном событии. Как замечал

В. В. Библихин, ребенок примет взрослого в свою игру только на равных правах такого же полного властителя вселенной.

Воображение событийно в принципе, в силу его двойственной природы. В нем совпадают противоположности. Воображение априори ориентировано на целое как результат комбинирования его частей. На способность воображения диалектически разрешать противоречия указывал Г. Башляр [1, с. 330–335]. Хотя можно было бы добавить, что создание противоречий также есть результат деятельности воображения. М. Хайдеггер по-своему выражал эту двоичную сущность воображения, говоря о том, что его природа спонтанно-рецептивна [9, с. 73]. Иными словами, акт воображения включает в себя самопроизвольный импульс, а также реакцию восприимчивости на данный импульс. При этом в динамическом отношении спонтанность можно понимать как прерывистый повтор идентичных импульсов, а рецептивность как разворачивающуюся серию дифференциаций.

Объединяя подходы Хайдеггера и Башляра, можно конкретизировать их концепции с нашей точки зрения следующим образом: природа воображения пульсирующе-вращательная, или возвратно-поступательная [7, с. 42]. Образ юлы (волчка) служит замечательной иллюстрацией этой природы воображения. Волчок — своеобразная имажинативная модель космоса (эту роль в философии Платона («Тимей») выполняет образ веретена, указывающий, кстати сказать, на соприродность воображения и времени). Не случайно дети проявляют особый интерес к подобному рода игрушкам: в них само воображение как бы демонстрирует принцип собственного действия. Ключ к разгадке воображения находится в нем самом. Уместна здесь и еще одна аналогия: катание на коньках, происходящее посредством скоординированных активных точечных толчков и пассивных линейных скольжений.

Представленная выше модель деятельности воображения одновременно является динамической структурой образа, в котором есть пульсирующий центр и вращающаяся периферия. Это соответствует этимологии, семантике и морфологии двуединого слова «образ». Морфема «раз» означает точечный импульс, а морфема «об» указывает на линейное кружение вокруг центральной точки [7, с. 56–57]. Если ребенок научится дискретно ставить точки и континуально проводить заворачивающиеся линии на листе бумаги, то далее нарисовать любой опознаваемый образ будет для него делом техники («точка, точка, два крючочка, палка, палка, огуречик — получился человечек»). Воображение автоматически делает свое дело, и ребенку не нужно мешать в свободном вхождении в его самодействующий режим.

Структура слова «об-раз» соответствует структуре слова «со-бытие». И там и там корневая морфема выражает акт творения из небытия, а префиксальная часть обозначает целокупный охват распространяющегося сотворенного сущего. Практически это синонимы. Так говорит язык. Словосочетания «со-бытие воображения» или «образ события» являются скрытыми тавтологиями. Воображение по сути событийно, а событие феноменально высвечивается в своем собственном уникальном образе.

Подобные соответствия и переключки можно обнаружить и в других словах. Например, в слове «диа-лектика» также обнаруживается аналогичная

структура. Морфема «диа» (с греч. «между», «сквозь», «через» — возводится к имени бога Зевса, образом которого в греческой мифологии был двулезвийный обоюдоострый топор) соответствует корню «раз» в славянском слове «об-раз» и означает импульсивное действие рассечения (раз-реза) хаоса, превращающего его в космос в качестве «собранного» (корневой смысл морфемы «лекта») из пересчитанных и поименованных частей целого. Собственно говоря, у самого Зевса образа как такового нет, но зато в качестве корня «раз» он присутствует во всяком «об-разе» любого сотворенного им сущего.

Зевс, бог-громовержец, разит — рассекает хаос ночи молниями, и на периферийной поверхности темной материи запечатлеваются конкретные образы вещей и существ. Фотографирование является моделью творения мира. «Фотография» (свето-писание) — это скрытый синоним слова «об-раз», равно как и слова «фан-тазия», а также немецкого слова Ereignis, переводимого на русский язык как «со-бытие». Общим корнем у этих слов является «свет», и все они говорят об одном и том же — о порождающей силе света, приводящего сущего к бытию и раскрывающего его в собственном образе. Когда ребенок на картинке или фотографии узнает знакомую вещь или существо, с радостью и ликованием наделяя его именем, — это верный критерий того, что он уже полностью захвачен событием воображения.

Диалектическое учение Гераклита — это мифопоэтика молнии, в свете которой приоткрывается завеса над тайной воображения. Гераклит воздержался от искушения впасть в необратимую зрелость. Его изречения о вечно играющем младенце-царе универсума, о молнии-логосе и власти огня в космосе, о единстве и борьбе противоположностей, о неизменной текучести бытия, о неразличности дня-ночи и сна-яви и пр. — все это является системой загадок, которые могут быть разгаданы имманентно им самим, в их взаимной круговой поруке, все вместе и сразу, то есть так, как случается событие детского воображения.

Выше было сказано о важной роли речи в процессе воображения. Эту тему можно детализировать. Воображение и язык, образ и слово не просто взаимодействуют, а пребывают в событии. Поэтому связь между ними не причинно-следственная, а энергийная. Следовательно, нет смысла говорить о том, что из них первично/вторично. В событии слово вызывает образ, а образ вызывает слово, и происходит это как-то одновременно. Конечно, с эмпирической точки зрения они относятся к разным, возможно даже противоположным, перцептивным измерениям — видимому и слышимому. Не абсурдно ли ставить следующие вопросы: видится ли звучащее, слышится ли показанное? Если бы человек имел только голую чувственность, то подобные вопросы, действительно, были бы запрещенными псевдо-вопросами. Но человек, помимо чувств и мышления, почему-то имеет способность воображения, которое, как мы пытались обосновать, свершается событийно. Поэтому в контексте событийной онтологии возможно допустить невероятное: слово не просто может быть инородной причиной внешнего запуска деятельности воображения, но оно имманентно присутствует в образе как таковом. В событии слово не только слывет — слышится слухом, но и зримо видится образом. Воображение синэстетично по своей природе. Поэтому-то психологи верно

указывают на влияние речи на воображение (редко оговаривая обратное воздействие), предупреждая, что если разрушить между ними связь, то это приводит к общей деградации обеих способностей. Хотя они и не приводят онтологического объяснения этому факту.

Известно древнее, мифическо-религиозное, загадочное учение о том, что слово есть свет. Не будем говорить о нарушении физических и физиологических законов, тем более что они до сих пор окончательно не сформулированы. Примем это как данность, в противном случае не стоит даже заводить речь о событийности слова и образа. Попытаемся принять и понять это мистическое учение. В. В. Библихин утверждал, что слово является внутренней формой вещи [см. 2]. В метафизике света Р. Гроссетеста говорится о том, что свет как первая сотворенная сущность пронизывает все сущее, пребывая как извне, так и внутри любой вещи [см. 5]. Слово несет свет в том смысле, что поименованная им вещь начинает излучать внутренний свет, проявляя вовне свою форму. Не названная вещь не имеет и образа. Вещь без имени-слова никем не видится, хотя на нее можно сколь угодно долго бессмысленно смотреть.

Воображение странно. И реагировать на такую странность, вероятно, нужно, как предупреждал Сократ, знаящим незнанием. Знаем, что событие есть, но не знаем, каким образом оно происходит. При этом все это случается вполне естественно, не нарушая законов природы. В самом деле, разве не обычно то, что когда мы останавливаем взгляд на одной из окружающих вещей, то одновременно с этим неслышно (а бывает и вслух) произносим и ее имя? Двигаясь в обратном направлении: явно или неявно произнесенное слово, как световой луч, направляет зрение на поиск названной вещи, беря ее в прицел собственного образа. Вещь находится в точке пересечения световых потоков, идущих от нее и от видящих глаз. Сам свет не видим, но именно он дает возможность и действительность видения сущего. Нельзя увидеть свет и не ослепнуть. Образ же есть смягчающий и трансформирующий силу слепящего света экран. Вещи видятся двояко: освещенные внешним светом, они воспринимаются чувственным зрением; хранящие внутренний свет — способны воображаться. Фотографирование есть техническая модель, искусно изобретенная человеком и объективированная вовне, события его воображения.

В учении о материально-динамическом воображении Башляра, представленном в его знаменитой пенталогии стихий, развернута поэтика воображения, или имагинация поэзии [см. 1]. Французский исследователь вывел типологию воображения на основе анализа поэтических текстов. Каждый тип воображения инспирирован принципом действия той или иной стихии: огня, воды, воздуха и земли. По мнению Башляра, слово и образ имманентны друг другу и связаны диалектической связью, детерминированной формами материальных взаимодействий. Однако по каким-то причинам он оставил без внимания значение света — пятой стихии, квинтэссенции. Эфирное воображение было оставлено им за скобками. Эта лакуна продолжает существовать поныне, сохраняя возможности новых перспектив исследования воображения. Попытаемся хотя бы сформулировать методологические вопросы: не является ли поэзия воображением слов, несущих свет? Не является ли воображение игрой света в себе самом, правила которой задаются поэтическим, т. е. творящим, словом?

В контексте всех этих рискованных предположений, допущенных с целью вообразить само воображение и найти язык его описания, возникает следующая догадка: воображение есть способность видеть невидимый свет слова в образе той вещи, которая вызвана к бытию этим творящим словом. Слово — это генератор световой энергии, а образ есть ее накопитель. Образ актуален до тех пор, пока не иссяк накопленный в нем запас света. Слово имманентно присутствует в образе, что отразилось в морфологии слова «об-раз»: слово есть то, что мыслится в корне «раз» — квант энергии, которая едина во всем множестве сущего. Префикс «об» можно истолковать как систему возможных трансформаций этой энергии, создающих уникальность конкретной данной единичной вещи.

Образ живой, если в нем есть свет. В противном случае он остается бездушной схемой или, в лучшем случае, геометрической фигурой. Световой импульс в образ вносится словом. Его произнесение восполняет отсутствие нареченного им сущего. Воображение можно определить как способность человека к свету. Для ее раскрытия необходим длительный процесс образования и просвещения. Об этом говорит и греческое слово «фантазия» (φαντασία), корнем которого является «свет» (φως). Воображение — это способность видеть невидимый свет, излучаемый вещами в их отсутствие и переносимый словами. Такая трактовка пересекается с определением веры апостола Павла: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр 11: 1).

Еще одна из напрашивающихся мыслей в контексте наших поисков заключается в следующем гипотетическом определении: воображение есть врожденный исключительно человеку инстинкт сохранения и ориентировки во внеприродной среде культуры. В собственном происхождении воображение является природой, а в своей реализации оно уже искусство (техника в широком смысле этого слова). В актах воображения природное преобразуется в культурное. Собственно говоря, с онтологической точки зрения культура есть отсутствующее присутствие природы и наоборот. Вот этот «наоборот» осуществляется именно вращающей силой воображения. На это указывает и корень слова culture — colo — движение по кругу. Природная вещь становится артефактом как следствие окружающей заботы человека. Культура — это динамический образ природы. Однако в силу разнонаправленности природных и технических вращений и при человеческой неспособности их совместить происходят техногенные природные катастрофы.

Из всего вышесказанного можно вывести простые педагогические рекомендации, которые и так всем давно известны: пробуждать воображение ребенка следует двуединым способом: называть и показывать. Если делать только одно дело, то ничего не получится. Необходимо культивирование — многократное повторение сказа-показа, отчаяние от отсутствия результата, — пока не возникнет кумулятивный эффект и огонь воображения не воспламенится вдруг внутри самого ребенка. Древнее добывание огня посредством вращательного трения деревяшек друг о друга — собственный образ самого воображения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башляр Г. Грезы о воздухе. Опыт о воображении движения. — М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1999.
2. Биbihин В. В. Внутренняя форма слова. — СПб.: Наука, 2008.
3. Биbihин В. В. Чтение философии. — СПб.: Наука, 2009.
4. Бородай Ю. М. От фантазии к реальности (Происхождение нравственности). — М.: ИФ РАН, 1995.
5. Гроссетест Р. О свете, или О начале форм // Вопросы философии. — 1995. — № 6.
6. Кант И. Критика чистого разума. — М.: Мысль, 1994.
7. Романенко Ю. М. Онтология мифа: Учебное пособие. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006.
8. Смирнова Е. О. Детская психология: учебник. — М.: Гуманитарный издательский центр Владос, 2012.
9. Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. — М.: Логос, 1997.